

2. Вненалоговые заготовки

Главное внимание государственных органов при подготовке к кампании по закупкам сельскохозяйственной продукции в предстоящем 1922/23 г. уделялось организации коммерческих хлебозаготовок. По мнению руководителей советской экономики, основными отрицательными чертами вненалоговых заготовок хлеба в 1921/22 г. были отсутствие единого органа, в функции которого входили бы регулирование хлебного рынка и координация действий государственного и кооперативного заготовительного аппарата, излишняя распыленность последнего, децентрализованность и недостаточное финансирование хлебной торговли.

Демонополизация хлебного рынка в начале 1922 г. была связана с провалом попыток сосредоточить межрайонный хлебооборот в руках потребительской кооперации. В силу своей материально-технической слабости потребкооперация не смогла выполнить ни централизованное хлебозаготовительное задание, ни заказы учреждений и организаций, снятых с государственного снабжения. Поэтому руководящие органы советского государства вынуждены были разрешить последним самостоятельные закупки продовольствия. Многочисленные главки, тресты, синдикаты, совнархозы и т.п. устремились на рынок, создавая для целей проведения продовольственных заготовок специальные торгово-закупочные отделы. Не имея специальных средств для ведения заготовок, они использовали для этой цели деньги, предназначенные для своей основной деятельности. Конкуренция между великим множеством государственных и кооперативных заготовителей вызвала резкое повышение цен на сельскохозяйственные товары и понижение на промышленные. Накладные расходы у этих организаций, не приспособленных к хлебной торговле, достигала 40%.

Советское руководство, считая демонополизацию неизбежным злом, тем не менее, проявляло беспокойство по поводу ее чрезмерного углубления. И что уж совсем было недопустимым с точки зрения большевистского режима, так это то, что вокруг многочисленных государственных и кооперативных заготовителей вели комиссионную работу всякого рода частные скупщики и посредники, которые за счет государственных средств активно проводили «первоначальное накопление капитала».

В связи с этим 5 мая 1922 г. было учреждено крупное государственное акционерное общество для торговли хлебом и другими сель-

скохозийственными товарами «Хлебопродукт», призванное удовлетворить нужду в хлебе госучреждений и рабочей кооперации потребляющих районов страны. Акционерное общество должно было также укрепить позиции государства на хлебном рынке и в тесном взаимодействии с потребкооперацией ограничить развитие частного капитала¹. В июне 1922 г. начала свою работу сибирская областная контора «Хлебопродукта» («Сибхлебопродукт»). Ей, а также губернским конторам акционерного общества были переданы торгово-закупочные отделы Сибпродкома и губпродкомов со штатом, материально-технической инфраструктурой и запасом товаров, предназначенных для обмена².

Для согласования деятельности государственных и кооперативных заготовительных организаций и общего регулирования рынка в мае 1922 г. Совет труда и обороны учреждает Комиссию по внутренней торговле (Комвнутторг СТО)³. При этом непосредственная организация и координация коммерческих хлебозаготовок возлагается на особоуполномоченного СТО по реализации урожая. На эту должность, которая вводится в июле 1922 г., по совместительству назначался председатель правления Госбанка⁴.

Подготовка к новой заготовительной кампании проходила в условиях изменения конъюнктуры хлебного рынка. В 1921/22 г. она определялась катастрофическим неурожаем в Поволжье и общим падением зернового производства. Спрос на продовольствие в этих условиях стабильно и намного превышал предложение. Это вызывало бурный рост рыночных цен.

В конце мая 1922 г. ситуация на хлебном рынке страны стала улучшаться. Состояние озимых и яровых посевов в течение всего лета давало уверенность в том, что осенью будет собран высокий урожай зерновых. Видны на урожай позволили крестьянам вывезти придерживаемые ими на всякий случай излишки зерна. Увеличению предложения хлеба способствовало и продолжающееся относительное падение стоимости промышленных товаров. Одновременно и государство, надеясь на высокий урожай, несколько увеличило реализацию своих накопленных за счет продналога и импорта неприкосновенных запасов. Это позволило удовлетворить самые насущные потребности горожан и жителей незернопроизводящих сельскохозяйственных районов и остановить ажиотаж на хлебном рынке. Рост закупочных цен прекратился, а затем они начали постепенно снижаться⁵.

Надежды на высокий урожай в европейской части страны осенью 1922 г. оправдались. По самым минимальным подсчетам, валовой сбор зерновых по СССР в целом был почти на треть больше, чем в 1921 г.⁶

Высокий урожай активизировал подготовку государства к предстоящей вненалоговой заготовительной кампании. На прошедшем в начале августа совещании при особоуполномоченном СТО по реализации урожая были сформулированы ее основные задачи. Главной из них стала заготовка путем рыночных закупок возможно большего количества хлеба для обеспечения снятых с госснабжения предприятий, а также образование резервного фонда сверх продналогового, с помощью которого государство могло бы регулировать хлебный рынок и ограничивать влияние на нем частного капитала⁷.

Подобная точка зрения была поддержана ЦК РКП(б), признавшего необходимость максимально расширить закупку хлеба: *«Увеличенное производство хлебных продуктов в этом году должно быть использовано в смысле увеличения хлебных ресурсов в первую очередь в руках государства. Развитием государственных хлебных заготовок, успехами государственной закупки хлеба по сравнению с частными откупщиками будут измеряться успехи социалистического строительства и упрочения Советской власти»*⁸. В то же время бороться с частниками предполагалось преимущественно экономическими методами, административные ограничения их деятельности были сняты.

Рыночные хлебозаготовки по мере сбора урожая в южных районах страны стали расширяться. Однако ситуация, складывающаяся на рынке, была противоположна ожидаемой. Хлебные цены вдруг начали повышаться. Связано это было с одновременным выходом на рынок большого количества заготовительных организаций. Помимо «Хлебопродукта» и Центросоюза достаточно крупные закупки зернофуража производили Госбанк, Российский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз), Московский и Петроградский потребсоюзы, Мельотдел Наркомпрода РСФСР. Кроме того, самостоятельные продовольственные заготовки вело большое количество трестов, синдикатов и рабкоопов. Естественно, что между ними возникала конкуренция, и в стремлении закупить необходимое количество хлебопродуктов они повышали предлагаемые крестьянам заготовительные цены. Помимо этого на рынке достаточно успешно работали более гибкие и конкурентоспособные частники. Вместе с тем предложение зернофуража не вполне соответствовало спросу. Крестьяне вывозили его на рынок недостаточно, так как были заняты осенними сельскохозяйственными работами, активно выполняли продналоговое задание, а то и просто выжидали повышения цен⁹.

Увеличение хлебных цен, вызванное превышением спроса на зерно над его предложением, не было велико, однако вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Государство, помнившее взрывной характер повы-

шения цен на продукты питания в предыдущем году, предприняло энергичные меры к изменению ситуации. 24 августа 1922 г. И.В. Сталин в шифротелеграмме предписал губкомам РКП(б): *«Вести политику на понижение цен на хлеб, памятуя, что высокие цены на хлеб грозят сокращением будущего хлебного фонда в руках государства и понижением жизненного уровня рабочего класса»*¹⁰.

В начале сентября на совещании при особоуполномоченном СТО по реализации урожая были выработаны необходимые меры воздействия на нежелательную конъюнктуру. Было принято решение впредь согласовывать проведение закупочных операций Госбанка, «Хлебопродукта» и кооперации путем распределения между ними хлебозаготовительных районов. На местах крупные заготовители должны договариваться между собой о предельных ценах на неделю вперед. В случае достижения предельной закупочной цены они обязаны прекратить покупку зерна, а при достижении 90% от предельной цены Госбанк должен остановить финансирование как государственных и кооперативных организаций, так и частных лиц. На рынки потребляющих районов в моменты повышения продажных цен предписывалось выпускать достаточно большие партии хлеба, собранного по натуральном налогу для их реализации по дешевым ценам. Совещание предложило ВСНХ рекомендовать подчиненным ему трестам и синдикатам вести закупки хлебопродуктов через основных заготовителей¹¹.

Таким образом, центральные регулирующие органы приняли решение воздействовать на рынок преимущественно экономическими методами. Местные власти, напротив, предпочитали административные меры удержания цен. Примером подобного подхода являлась Сибирь.

29 августа 1922 г. в Новониколаевске под эгидой Сибревкома состоялось совещание по вопросу реализации урожая 1922/23 г. На совещании было констатировано, что твердое задание по сбору продналога, семсуды и промсбора в предстоящем году установлено на 20% меньше, чем собрано в 1921/22 г. Следовательно, крестьянские хозяйства будут иметь большее количество излишков сельхозпродукции. В то же время в 1922/23 г. сельское население впервые будет привлечено к платежу денежных (местных) налогов в таких размерах, что нужда в деньгах заставит крестьян увеличить продажу произведенной ими продукции. Основной целью государства в создавшихся условиях являлось приобретение наибольшего количества хлеба. Не менее важной задачей представлялась и борьба с частным капиталом.

В связи с этим совещание призвало все выступающие на рынке государственные и кооперативные организации к созданию «единого

фронта». Реализовать же призыв к созданию «единого фронта», по мнению участников совещания, можно было лишь в случае организации заготовок всех нуждающихся в хлебе организаций и учреждений только через «Сибхлебопродукт», Сибцентросоюз и губсоюзы потребкооперации на договорных, комиссионных началах. Подобная мера позволяла избежать конкуренции, увеличения накладных расходов, обращения к частным контрагентам и подъема цен¹².

Для урегулирования и согласования вопросов, связанных с заготовками хлеба, на совещании была создана сибирская «пятерка» по реализации урожая, в состав которой вошли председатель Сибревкома М.М. Лашевич и по одному представителю от сибирской конторы Госбанка, Сибцентросоюза, «Сибхлебопродукта» и Сиббюро ВСНХ. Аналогичные «пятерки» учреждались при губернских и уездных исполкомах края¹³.

Во исполнение рекомендаций совещания по реализации урожая Сибревком 5 сентября 1922 г. разослал губисполкомам региона циркулярное письмо, в соответствии с которым всем государственным и кооперативным организациям и учреждениям, нуждающимся в хлебе, предписывалось приобретать его у «Сибхлебопродукта» или потребительской кооперации, но ни в коем случае не создавая свой заготовительный аппарат и тем более не прибегая к услугам частных посредников. Преимущественное право на предоставление вагонов под хлебные грузы получали те организации, которые исполняли указанное предписание. Самостоятельные закупки хлеба тем или иным заготовителям (помимо «Хлебопродукта» и потребкооперации) разрешались лишь в виде исключения, с разрешения и под ответственность местного губернского экономического совещания (губэконосо), причем за такими заготовительными организациями устанавливался жесткий контроль со стороны местных органов РКИ.

Кроме вышеуказанного циркуляра президиум Сибревкома принял постановление об обязательной регистрации прибывавших из других районов покупателей зерна и муки (государственных – в областной или губернских конторах «Хлебопродукта», кооперативных – в Сибцентросоюзе или губсоюзах).

Ограничение числа организаций, закупающих хлеб непосредственно на рынке, было призвано, в первую очередь, сдерживать рост цен на него. Помимо этого сибирские регулирующие органы осуществляли и непосредственное вмешательство в процесс ценообразования. На заседании «сибпятерки» 7 сентября было принято решение о введении на территории региона предельных заготовительных цен на хлебопродукты (лимитов), которые подлежали еженедельной корректировке.

На местах вводились лимиты не только закупочных, но и продажных цен на хлебопродукты. Для того чтобы сибирская контора «Хлебопродукта» смогла удовлетворить запросы нуждающихся в хлебе организаций, СТО 11 сентября по просьбе Сибревкома разрешил передачу ей 500 тыс. пудов продналогового зерна¹⁴.

Решение о запрете самостоятельных заготовок вызвало сопротивление организаций и учреждений, считающих, что закупки через «Сибхлебопродукт» и потребкооперацию обойдутся им значительно дороже и займут более длительное время. Многие из них стали вести хлебозаготовки сами, игнорируя директиву об обязательной регистрации. При этом главным саботажником решений сибирских властных структур выступила областная контора Госбанка. Получив из Центра денежные средства для финансирования хлебозаготовок, последняя в широких масштабах занялась организацией собственного хлебозакупа. Не имея заготовительного аппарата, Госбанк вел закупки хлеба на комиссионных началах, широко используя при этом услуги частных хлеботорговцев. Так, Новониколаевская контора Госбанка, даже не попытавшись договориться с местным отделением «Сибхлебопродукта» и губсоюзом, заключила договор на поставку хлеба с частными контрагентами, передав им в качестве аванса ценностей на 25 млн руб. дензнаками 1922 г.¹⁵

Подобное поведение вызвало резко отрицательную реакцию местных властей. Ведение самостоятельного хлебозакупа региональным конторам Госбанка было категорически запрещено. В резолюции пленума Сибэконо от 19 сентября 1922 г. по этому поводу указывалось: *«Роль Госбанка должна заключаться в финансировании под хлебные заготовки организаций, специально ведающих заготовками: "Хлебопродукта" или кооперации. Заготовка же хлеба для нужд и по поручению Госбанка должна вестись тоже через "Хлебопродукт" или кооперацию. Тенденция банка к выступлению на рынке самостоятельно или через частника ведет к нездоровым последствиям»*¹⁶.

С целью предотвращения самостоятельного выхода на рынок были ужесточены меры административного воздействия на нарушителей введенных запретов. Право же на преимущественное предоставление вагонов под хлебные грузы для «Сибхлебопродукта» и потребкооперации очень часто превращалось в исключительное. В борьбе с частным капиталом местные власти шли даже на нарушение закона, подвергая арестам частных хлеботорговцев¹⁷.

Принятые меры привели к ожидаемому эффекту, и закупочные цены на зерно и муку стали снижаться. Среднезаготовительные цены АО «Хлебопродукт» на основные зерновые культуры в целом по стране в

октябре 1922 г. составляли (в золоте) 62 коп., тогда как в сентябре они достигали 1 руб. за пуд¹⁸. Падение хлебных цен было связано не только с установлением понижающих лимитов и иных мер воздействия на рынок. Прежде всего, этому способствовали конъюнктурные особенности года, которые заключались в общем превышении предложения зернофуража над спросом¹⁹. В связи с небольшими размерами экспорта остатки хлеба, превышающие объемы внутреннего потребления, оставались в стране, осложняли ситуацию на рынке и вели к резкому снижению цен. К тому же государство могло вообще не покупать хлеб, необходимый для городского населения и армии. Зерна, изъятого у крестьян по натуральному налогу, для этой цели вполне хватало.

Конъюнктурные особенности 1922/23 сельскохозяйственного года в Сибири имели свою специфику по сравнению с районами европейской части страны. Если для последних этот год явился первым годом восстановления аграрного производства, то в Сибири его падение продолжалось. Посевные площади под зерновыми в регионе в 1922 г. снизились по сравнению с предыдущим на 25%. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур – пшеницы и овса, соответственно сократившиеся на 39 и 32%. Площади, занятые имеющей преимущественно потребительский характер рожью, даже несколько возросли (на 0,6%), а просом – увеличились в 2,3 раза. Осенью 1922 г. в регионе было собрано на 15% хлеба меньше, чем в предыдущем году (в целом по стране, по данным ЦСУ, валовое производство зерновых выросло почти на треть)²⁰.

В итоге излишки хлеба для свободной продажи у сибирских крестьян после сдачи продналога были сравнительно небольшими. В данном случае логично было бы предположить повышение цен. Однако все было наоборот. Начиная с сентября, как закупочные цены основных заготовительских организаций, так и цены вольного рынка стали резко падать. В Новониколаевской, Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях рыночные цены на рожь в ноябре были ниже августовских соответственно в 4,7, 3,6, 3,1, 3,7 и 2,6 раза, на пшеницу – в 3,7, 3,1, 2,6, 2,7 и 1,8 раза (табл.1).

При этом закупочные цены АО «Хлебопродукт» в Сибири в ноябре были меньше, чем в хлебоизбыточных регионах европейской части СССР. Пуд ржи на заготпунктах акционерного общества в Сибири среднем закупался за 40 коп., пуд пшеницы – за 61 коп., тогда как в производящих губерниях европейской части РСФСР – соответственно за 62 и 69 коп., на Украине – за 67 и 76 коп.²¹

Т а б л и ц а 1

Цены на хлеб по губерниям Сибири с августа 1922 г. по март 1923 г.
(золотых коп. за пуд)

Месяц	Новониколаевская	Алтай- ская	Омская	Томская	Енисейская	Иркут- ская
<i>Рожь</i>						
1922 г.						
Август	237	–	198	148	158	148
Сентябрь	124	–	124	116	123	102
Октябрь	83	–	92	75	67	76
Ноябрь	50	–	55	47	43	56
Декабрь	73	–	71	55	45	46
1923 г.						
Январь	52	–	55	51	39	46
Февраль	50	–	94	47	62	63
Март	85	–	79	48	92	68
<i>Пшеница</i>						
1922 г.						
Август	262	198	226	198	178	168
Сентябрь	190	123	137	178	142	133
Октябрь	108	74	89	120	92	93
Ноябрь	70	60	74	76	66	93
Декабрь	100	62	79	65	75	90
1923 г.						
Январь	71	55	63	77	70	113
Февраль	70	73	74	83	96	111
Март	95	99	82	79	123	113

Источник: Жизнь Сибири. 1923. № 4/5. С. 31.

Объяснение этому парадоксу заключается в следующем. Несмотря на значительное уменьшение валового производства зерна, его вполне хватало для удовлетворения внутренних потребностей региона. Более того, имелись излишки. Необходимости в их вывозе в европейскую часть страны не было. Там не знали, куда деть свой хлеб. Потребности весьма небольшого по численности городского населения Сибири во многом удовлетворялись за счет натурального налога. Из продналого-

вого хлеба производились выдачи лицам и организациям, оставшимся на государственном продовольственном снабжении.

Кроме того, зерно и мука отпускались в распоряжение губисполкомов для покрытия расходов, отнесенных к их компетенции. Подобная форма бюджетного финансирования местных органов власти позволяла несколько уменьшить темп инфляции. Специально для этих целей постановлением СТО от 30 сентября 1922 г. был создан фонд натуральных дотаций. Советские органы Сибири получили из дотационного фонда 2300 тыс. пудов ржаных единиц²². Сверх того, в местный фонд поступали излишки (перевыполнение государственного задания) по продналогу. Хлеб из дотационных фондов выделялся и основным заготовителям. Как указывалось выше, «Сибхлебопродукту» было выделено полмиллиона пудов продналогового зерна. Выделение дотаций в 1922/23 г. началось уже в сентябре в связи с высокими темпами поступления единого натурального налога. Задание по его сбору в Сибири полностью было выполнено 20 ноября, а к концу ноября оно было перевыполнено на 11,4%²³.

Ситуацию мог разрядить сбор свободных остатков зернофуража для создания региональных запасов на случай возможного неурожая. Однако в силу своих низких материально-технических и финансовых возможностей сибирские государственные и кооперативные заготовители не могли взять и тот минимум хлеба, который мог быть потенциально предложен на рынке. Особенно это касалось сибирской глубинки. Заготовительных пунктов там было мало, а самостоятельный вывоз крестьянином своей продукции в ближайший город затруднен из-за расстояний и состояния дорог.

Наиболее негативно на возможности сибирских заготовителей влияло хроническое отсутствие у них денежных средств для закупки зернофуража. «Хлебопродукт» и Центросоюз, используя выделенные им кредиты в первую очередь для хлебозакупа в европейской части РСФСР, практически не снабжали деньгами свои отделения и конторы в Сибири, предпочитая отправлять туда оставшиеся от товарообменных фондов 1921/22 г. промтовары. Так, правление АО «Хлебопродукт» снабжало сибирскую контору товарами, многие из которых были неходовыми, в ценностном выражении на 90%. Для того чтобы получить деньги, сибконтора была вынуждена проводить длительные и сложные операции по реализации этих товаров. И только затем могла использовать вырученные деньги на закупку сельскохозяйственной продукции²⁴.

Непосредственное кредитование сибирских заготовительных организаций со стороны Госбанка было минимальным в связи с конфликтом между

его центральным правлением и Сибревкомом. Как указывалось выше, сибирские власти запретили заготовительную деятельность Госбанка на территории региона. В ответ центральное правление Госбанка, требуя отмены запрета, существенно сократило снабжение Сибири дензнаками, поставив под угрозу срыва не только проведение хлебозаготовок, но и функционирование финансовой системы региона вообще. Сибревком опротестовал данное решение в СТО. То же по отношению к решению Сибревкома сделал и Госбанк. Началась длительная тяжба, закончившаяся победой Сибревкома. Однако на время проведения разбирательства в высших инстанциях закупки хлеба в крае были практически парализованы²⁵.

Следует также иметь в виду, что выделяемые для заготовок кредитные средства постоянно обесценивались. Хлебные цены уменьшались только в их золотом исчислении. Что же касается цен в постоянно обесценивающихся совзнаках, в которых и велось кредитование хлебной торговли, то они продолжали достаточно быстро расти. Тем самым покупательная способность отпущенных средств уменьшалась с каждым оборотом.

Таким образом, спрос на хлеб в Сибири осенью 1922 г. был минимальным. И на тот же период пришелся резкий рост его предложения. Понижение цен стимулировало крестьян быстрее реализовывать запасы зерна. Толкала крестьян на рынок и постоянно увеличивающаяся нужда в деньгах, требующихся как для покупки остро необходимых промтоваров, так и для уплаты введенных в 1922/23 г. местных денежных налогов. Например, в Томской губернии был учрежден подворный денежный налог в размере 60 коп. на одно крестьянское хозяйство. В момент учреждения, исходя из средней рыночной цены одного пуда хлеба в 1 р. 30 к. (в золоте), он считался весьма скромным. Однако в период его уплаты цена одного пуда хлеба упала до 64 коп., а в отдаленных районах даже до 20 коп.²⁶ Таким образом, крестьянин для исполнения подворного налога был вынужден вывозить на рынок количество продукции в 2, а то и в 4 раза большее, чем предполагалось изначально. Да и постоянное удорожание промтоваров вынуждало сельского жителя вывозить на рынок все возрастающие объемы продукции.

Предложение хлеба на рынке не ограничивалось крестьянским зерном. Советские органы, которым хлебопродукты выдавались в качестве бюджетных ассигнований, переводили их в деньги, реализуя на рынке. При этом острая нужда в деньгах заставляла советские органы с целью ускорения оборота продавать зерно и муку по демпинговым ценам.

Резкое снижение цен на хлеб подрывало стимулы к восстановлению сельскохозяйственного производства и вызывало недовольство крестьянства. Сложившаяся ситуация на хлебном рынке страны была рассмотрена на заседании СТО 17 ноября 1922 г. Основными причинами падения цен были названы недостаточное кредитование деятельности основных заготовительских организаций («Хлебопродукта» и Центросоюза), медленный оборот наличных средств, отсутствие широкой заготовительской сети, установление нереальных закупочных цен на местах и ограничения на свободное передвижение хлебных грузов. С целью устранения недостатков было решено увеличить финансирование государственно-кооперативной торговли и расширить масштабы хлебного экспорта. Кроме того, местные власти лишались права самостоятельно устанавливать предельные закупочные цены, а уже введенные лимиты отменялись. Впредь предельные цены разрешалось применять лишь в крайнем случае (*«при наличии, — как указывалось в постановлении СТО, — ненормального и не соответствующего объективным условиям данного района роста цен, вызванного усиленной и неорганизованной скупкой хлеба частными, кооперативными и государственными заготовителями»*) в виде временной меры и только с санкции особоуполномоченного СТО по реализации урожая²⁷.

Однако принятые меры на движение цен в масштабах всей страны существенного влияния не оказали. Конъюнктурные особенности кампании действовали на протяжении всего года, и закупочные цены на зерно, хотя и с некоторыми колебаниями продолжали снижаться²⁸. Исключением являлась Сибирь, где в январе–феврале 1923 г. произошло небольшое увеличение хлебных цен (см. табл. 1). Связано это было с ростом спроса со стороны основных заготовительских организаций, улучшивших за счет увеличения кредитования свое материально-финансовое положение, и со снижением предложения зерна, излишки которого в крестьянских хозяйствах существенно уменьшились.

Веналоговая заготовительская кампания 1922/23 г. закончилась в июне. К этому времени в Сибири государственными и кооперативными заготовителями было приобретено 6448 тыс. пудов хлеба, в том числе 4142 тыс. пудов (включая 1012 тыс. пудов из дотационного фонда) «Сибхлебопродуктом», 1982 тыс. пудов – Сибцентросоюзом и губернскими союзами потребкооперации, 177 тыс. пудов – мельотделом Сибпродкома. Хлебозакуп наиболее крупных заготовительских организаций в целом по стране составил 85 318 тыс. пудов. В счет натурального налога сибирские крестьяне сдали 31,7 млн пудов хлебопродуктов и маслосемян²⁹.

Влияние частного на сибирском хлебном рынке было, судя по всему, небольшим. Точных количественных оценок этого явления в масштабах всего региона мы не имеем. В Канском же уезде с 1 сентября 1922 г. по 1 апреля 1923 г. в общем объеме хлебозакупа на долю потребкооперации приходилось 64,5%, сельхозкооперации – 4,4, местного отделения «Хлебопродукта» – 17,3, частных лиц – 13,8%³⁰. Что же касается всей Сибири, то здесь можно сослаться на свидетельство председателя Сибревкома М.М. Лашевича, заявившего 26 октября 1922 г. на страницах газеты «Экономическая жизнь»: «*Частной оптовой хлебной торговли в Сибири почти нет*».

Падение закупочных хлебных цен в течение 1922/23 г., по мнению специалистов, создавало угрозу снижения посевных площадей под зерновыми культурами. Однако эти опасения не оправдались. Восстановительный потенциал крестьянского хозяйства оказался велик. Наиболее мощным стимулом для его развития являлась появившаяся впервые за много лет возможность свободного выхода на рынок с произведенной продукцией. Общая площадь посевов зерновых культур в целом по стране в 1923 г. по сравнению с 1922 г. выросла почти на 19%³¹. Несмотря на несколько меньшую урожайность хлебов, их валовой сбор увеличился. Исходя из увеличения производства зерна, осуществлялась подготовка соответствующих органов государственного управления к заготовительной кампании 1923/24 г.

Основной ее задачей было расширение хлебного рынка и хлебной торговли. Этому должен был способствовать переход к денежно-натуральной форме взимания сельскохозяйственного налога. Таким образом, доля сельскохозяйственной продукции, предлагаемой крестьянами на рынке, увеличивалась. Чтобы значительная часть рыночного хлеба попала в руки государства, предполагалось существенно увеличить торгово-закупочную деятельность государственных и кооперативных заготовительных организаций. Для координации их работы в апреле 1923 г. была создана межведомственная Особая полномочная комиссия по восстановлению и развитию хлебной торговли (Осполком СТО). Главными задачами комиссии являлись организация экспорта и снабжения потребляющих районов, а также разработка и осуществление мероприятий по регулированию внутреннего хлебного рынка³².

Итогом работы Осполкома СТО по подготовке к новой кампании стала разработка общегосударственного плана централизованных закупок зерновых культур, распределенного по территориям, организациям и срокам. Большую часть закупленного основными заготовительными организациями хлеба предполагалось вывезти из страны. Внутреннее снаб-

жение страны возлагалось частично на продналог, а также на закупки губсоюзом потребительской кооперации и частных хлеботорговцев. Каких-либо ограничений в деятельности последних на хлебном рынке в 1923/24 г. не предусматривалось. Вопрос о вытеснении частника, по мнению руководителей советской экономики, мог быть поставлен только там и тогда, где и когда хлебозаготовительная кампания могла быть проведена без ущерба для товарооборота силами государственных и кооперативных организаций. Причем и в этом случае речь шла об экономических, а отнюдь не об административных методах ограничения частной торгово-закупочной деятельности. Там же, где государственные и кооперативные заготовители не могли взять весь выброшенный на рынок хлеб, дозволялось даже финансирование частного капитала. В то же время основным государственным и кооперативным заготовителям рекомендовалось по возможности избегать сотрудничества с частником³³.

Накануне кампании было признано нежелательным дальнейшее понижение закупочных цен на зерно. Однако каких-либо чрезвычайных мер, направленных на это, принимать не планировалось. Для увеличения спроса на хлеб было признано достаточным расширить заготовительную деятельность государственных и кооперативных организаций и существенно увеличить экспорт, тем более что повышение хлебных цен, по мнению руководителей советской экономики, должно было иметь свои пределы, так как относительная дешевизна хлеба позволяла повысить доходность его экспорта и снизить темпы инфляции. Основанием для уверенности в том, что уровень закупочных цен на зерно в течение новой кампании будет более оптимальным, чем в предыдущей, было и начавшееся с середины мая повышение рыночных цен³⁴.

Однако уже в первой декаде июля началось падение предлагаемых за крестьянский хлеб цен как государственными и кооперативными заготовителями, так и на вольном рынке. Среднемесячные закупочные цены АО «Хлебопродукт» в целом по стране снизились в сентябре по сравнению с июлем за один пуд ржи с 45 до 30 коп., а за один пуд пшеницы – с 68 до 55 коп.³⁵ Предложение зерна в этот период существенно превышало спрос на него, что в первую очередь было связано с неразвернутостью торгово-закупочного аппарата как государственно-кооперативного, так и частного, а также с недостаточным его финансированием.

Постоянно растущие промышленные цены при постоянно падающих сельскохозяйственных (в Сибири к октябрю 1923 г. цены на сельхозпродукцию составляли 58%, а на промтовары – 162% от их довоен-

ного уровня)³⁶ вызывали существенное падение покупательной способности деревни. Приобретение необходимых промышленных товаров для абсолютного большинства сельского населения стала невозможной. Это повлекло за собой кризис сбыта промышленной продукции. Таким образом, третий год нэпа явил миру два парадокса: кризис сбыта промтоваров при чрезвычайно сокращенном производстве против довоенного и острой в них потребности со стороны населения; и «перепроизводство» хлеба в недавно пережившей катастрофический голод и далеко еще не восстановившей довоенный уровень питания стране.

За возникшим кризисом сбыта фабрикатов последовали перебои в выдаче зарплаты рабочим, закрытие некоторых предприятий, усиление безработицы. Все это вызывало недовольство рабочих режимом, порождало острые трудовые конфликты. Резко ухудшилось отношение к советской власти и со стороны крестьянства. На политическом горизонте страны вновь замаячил грозный призрак массовых крестьянских вооруженных восстаний. В связи с этим необходимо было срочно принимать меры для сближения промышленных и сельскохозяйственных цен.

Если цены на фабрикаты, начиная с октября 1923 г. снижались преимущественно директивным образом, то при повышении сельскохозяйственных цен власти сочетали административные и экономические методы воздействия на рынок. С целью увеличения спроса на хлеб со стороны заготовительных организаций было увеличено их финансирование. Принимались меры по форсированию экспорта. В районах с крайне низким уровнем хлебных цен практиковалось принудительное увеличение натуральной части сельскохозяйственного налога за счет денежной, что снижало уровень предложения хлебопродуктов³⁷.

На государственном уровне административного воздействия на закупочные цены не производилось. Однако указания на места о необходимости снижения цен были даны. Правление АО «Хлебопродукт» рекомендовало своим местным конторам, не устанавливая лимитов заготовительных цен, платить крестьянам за сдаваемое зерно несколько больше местных частных хлеботорговцев и в обязательном порядке премировать сдатчиков за высокое качество хлеба. Власти ряда регионов страны пошли на административное вмешательство в процесс ценообразования, установив для государственных и кооперативных заготовительных организаций предельные минимальные закупочные цены³⁸.

Одновременно с активно проводимой политикой стимулирования заготовительного спроса на хлеб с октября 1923 г. на рынке стали действовать факторы, снижающие его предложение. Потребность крестьян

ян в деньгах уменьшилась, так как большая часть сельхозналога была выплачена. Не стали крестьяне покупать слишком дорогие промтовары, а, следовательно, нужда в деньгах отпала и для этой цели. Дешевизна зерна сделала невыгодной его реализацию, оно стало использоваться для откорма скота и птицы. К этому прибавилась осенняя распутица, препятствующая вывозу продуктов на рынок. В результате взаимодействия государственных мероприятий и конъюнктурных факторов уже в октябре 1923 г. наступило равновесие между спросом и предложением, снижение хлебных цен прекратилось и даже намечился их некоторый рост³⁹.

Несколько иной была ситуация в Сибири. В 1923 г. в регионе прекратилось падение сельскохозяйственного производства и начался его рост. Посев зерновых культур увеличился по сравнению с предыдущим годом на 22%, а их валовое производство – на 34%. Тем не менее положение дел в зерновом хозяйстве региона все еще оставалось неблагоприятным. Количественные показатели его развития существенно уступали довоенному уровню (посев был на 19%, а валовой сбор на 34% меньше, чем в 1913 г.). Прирост посевной площади обеспечивался в основном за счет имеющей преимущественно потребительский характер ржи (+38%). Посевы пшеницы выросли всего лишь на 3% (см.: прилож., табл. I). Рост производства зерна по Сибири в целом был получен преимущественно за счет восточной ее части. В ряде же уездов Западной Сибири засуха свела на нет весь годовой труд земледельцев. Доля товарного зерна в крае была низка и составляла всего лишь 2% от общего его объема в целом по стране⁴⁰. К тому же большая его часть была рассредоточена на значительных пространствах Восточной Сибири, заготовительный аппарат на территории которой был наименее развит.

В условиях, когда в европейской части страны, в отличие от Сибири, зерна в руках заготовителей было в избытке, государственно-кооперативные заготовительные организации и частные хлеботорговцы фактически проигнорировали сибирский хлебный рынок. Сибирь была исключена из общесоюзного плана хлебозаготовок и их финансирования. Функционирующие в крае заготовительные организации обратили все свое внимание на закупки пушнины и масла, составив хлебные планы из расчета обеспечения зерном и мукой обменных пушных и масляных операций. «Сибхлебпродукт», который в Сибири занимался не только хлебными заготовками, предполагал закупить 1500 тыс. пудов, Сибцентросоюз – 920, Сибсельскосоюз – 750 тыс. пудов зерна. Общий хлебозаготовительный план на год вышеуказанных и несколько более мелких заготовительных организаций составил 4244 тыс. пудов, в то время рыноч-

ное предложение хлебопродуктов в регионе в 1923/24 г. могло составить не менее 30 млн пудов⁴¹.

Сложившаяся на краевом хлебном рынке ситуация была рассмотрена на заседании Сибревкома. Недофинансирование хлебозаготовок создавало реальную угрозу резкого падения цен, что в свою очередь могло остановить едва начавшийся процесс восстановления земледелия. Но еще более недопустимой, по мнению участников заседания, была возможность захвата хлебного рынка региона частным капиталом. Основным средством возникших проблем в этих условиях была названа необходимость существенного увеличения финансирования торгово-закупочной деятельности основных государственно-кооперативных заготовительных организаций. Приоритетная задача органов государственного управления края была сформулирована как создание на сибирском рынке нормальных условий для реализации урожая, построенных *«на принципе здоровой конкуренции государственных организаций и кооперации с частным капиталом, без применения каких-либо административных мер воздействия, давших в прошлую кампанию в Сибири отрицательные результаты»*⁴².

Для разрешения вопросов, связанных с реализацией урожая и кредитованием заготовительных организаций Сибревком создал специальную финансовую комиссию. Последняя в первую очередь озаботилась изысканием денежных средств, а также своим решением увеличила план централизованных хлебозаготовок в регионе и осуществила его принудительное размещение по основным заготовительным организациям. В соответствии с этим планом Сибцентрсоюз обязан был закупить 5,25 млн пудов, «Сибхлебопродукт» – 4 млн и Сибсельскосоюз – 1,4 млн пудов зерна⁴³.

Закупочные цены на хлебопродукты в регионе в конце лета – начале осени 1923 г. держались на стабильном и относительно высоком уровне, что было связано с отсутствием прошлогодних запасов и поздней уборкой урожая. В октябре–ноябре предложение зерна на рынке увеличилось. Тем не менее за счет выделенных в октябре в достаточном количестве кредитов основные государственные и кооперативные заготовители смогли закупить значительную часть вывезенного на рынок хлеба. В октябре ими было приобретено 1070 тыс. пудов хлебопродуктов (в сентябре – только 600 тыс.). В начале ноября темп заготовок еще более увеличился. Однако во второй половине месяца они застопорились. В декабре централизованный хлебозакуп в регионе составил 1581 тыс. пудов против 3 388 тыс. в ноябре⁴⁴.

В то же время предложение хлеба со стороны крестьянства в декабре еще более увеличилось, что в первую очередь было связано с

установлением стабильного санного пути. Финансирование же хлебных операций со стороны государства, напротив, существенно сократилось. Внутренние кредитные ресурсы в крае были к этому времени практически исчерпаны, а денег под хлебозаготовки из Центра по-прежнему не поступало. В этих условиях возможности сибирских заготовителей оказались крайне ограниченными, да и приобретать хлеб они могли теперь только по дешевым ценам.

Соответственно с ноября 1923 г. в регионе началось падение хлебных цен. Среднезаготовительные цены «Хлебопродукта» на рожь снизились с 70 коп. в октябре до 54 коп. за пуд в декабре, на пшеницу – с 87 коп. до 75 коп. за пуд. В ноябре по сравнению с октябрем уменьшились и цены на вольном рынке. На наиболее низком уровне они держались в Томской и Енисейской губерниях, что было связано со сбором достаточно высокого урожая, на который не было соответствующего спроса. В начале декабря в Томской губернии пуд пшеницы стоил в среднем 60 коп., пуд ржи – 32 коп. В Енисейской губернии – соответственно 58 и 36 коп. В ряде же районов этих губерний стоимость ржи опускалась до 25 коп. за пуд⁴⁵. Изменить конъюнктуру хлебного рынка в регионе удалось лишь в январе 1924 г.

* *
*

В отличие от хлебозаготовок, которым уделялось постоянное внимание со стороны как центральных, так и местных регулирующих органов, закупки животного масла в Сибири в 1922—1923 гг. оказались пущены на самотек. Связано это было с жесточайшим кризисом сибирского промышленного маслоделия. Имеющая реквизиционный характер продрозверстка и не менее тяжелый для крестьян масляный налог 1921/22 г. окончательно подорвали стимулы к ведению товарного молочного хозяйства. В связи с этим сельские жители сократили производство молока до потребительских норм и привели в соответствие с ними количество коров в своих хозяйствах. Как отмечалось в докладной записке организационно-инструкторского отдела Сибсельскосоюза, *«не имея никакого экономического резона в скотоводстве, население не стало держать коров в прежнем размере и помимо того, что они в огромном количестве брались разверстками и налогами, стало само беспощадно резать их на мясо»*⁴⁶.

Сдача масла в счет единого натурального налога 1922/23 г.⁴⁷ была минимальной в связи с невыгодным эквивалентом его перевода в «ржаные единицы». Однако выгодной оказалась уплата налога мясом вместо хлеба, что в условиях низкого урожая зерновых и недостатка

кормов приводило к тому, что крестьяне в первую очередь стремились выполнить свои налоговые обязательства сдачей скота⁴⁸.

Положение в животноводстве усугублялось повторным неурожаем трав, вызвавшим сильную бескормицу и соответствующий падеж и забой скота. В 1922 г. стадо крупного рогатого скота (КРС) в регионе уменьшилось на 11%, коров – на 9%. Общее же снижение поголовья по сравнению с 1916 г. составило по КРС в целом 37,5%, по дойному стаду – 36,3%, т.е. более, чем на треть. (см.: прилож., табл. VIII). В 1920 г. в среднем на 100 хозяйств сибирских крестьян приходилось 208 коров, в 1921 г. – 171, в 1922 г. – 158, тогда как в 1916 г. – 286 коров⁴⁹. Самые заметные потери понесли располагавшиеся в основных маслодельческих районах и составлявшие костяк дореволюционной молочной кооперации наиболее товарные многокоровные хозяйства. По сведениям учетно-информационного отдела Сибсельскосоюза в 1913 г. на одно входящее в маслоартель хозяйство в Западной Сибири в среднем приходилось 4,5 коровы, а в 1922 г. – 1,78 коровы. Авторы справки, в которой приводились вышеприведенные данные, в связи с этим констатировали, что *«многокоровные хозяйства к 1922 году исчезли <...> вместе с ними исчезла и молочная промышленность в Западной Сибири, ибо при однокоровных и двухкоровных хозяйствах едва возможно только частично продолжать вести "маслоделие"»*⁵⁰.

Сверхнормативной оказалась убыль быков-производителей, большая часть которых была сдана в счет мясной разверстки. В 1922 г. один бык-производитель приходился в среднем на 58 коров. Нормальным соотношением этих категорий животных при вольной случке считалось 1:25. Отсюда высокий, доходящий до 40–60% уровень яловости коров. Значительно превосходил нормативный и отход молодняка: в 1922 г. – 58,5%. Обеспечивающей расширенное воспроизводство стада нормой был 20%-ный отход⁵¹.

Наряду с количественными значительно ухудшились качественные показатели молочного животноводства. Средний живой вес одной головы КРС в регионе в 1922 г. снизился по сравнению с 1920 г. с 229 до 197 кг, среднегодовой удой на одну фуражную корову – с 6,9–7,4 ц (в довоенный период 10 ц) до 4,9–5,7 ц⁵².

На уровень выработки масла влияли не только крайне низкие объемы производства молока, но и разруха маслодельной промышленности. В 1922 г. на территории Сибири из 4000 маслозаводов функционировало только 1200. Обследование 2 507 заводов показало, что 27% из них пришло в совершенную негодность, 36% требовали капитального ремонта и только 37% нуждались лишь в частичном ремонте⁵³.

Следует также отметить, что фактором, способствующим увеличению внутривозвратного потребления молока, являлся нехватка в деревне других продуктов питания и прежде всего хлеба. В докладе правления Новониколаевского райсоюза маслодельческой кооперации в связи с этим отмечалось, что *«самое огромное неблагоприятное влияние на заготовки масла оказала голодовка по губернии в период особенно сенокоса, когда молоко являлось почти единственной пищей трудового крестьянина»*⁵⁴.

В качестве наиболее крупных заготовителей животного масла на внутривозвратном рынке Сибири в 1922 г. выступали потребительская кооперация в лице ее губсоюз (Сибцентросоюз осуществлял лишь общую координацию их деятельности) и сельскохозяйственная кооперация в лице ее губернских и районных союзов. Указанные коопбъединения являлись комиссионерами между маслозаводами и оптовыми покупателями продукции.

Система маслозакупа в этот период имела свою специфику. В отличие от заготовок и сбыта большинства других сельхозпродуктов, которые уже с конца 1921 г. велись преимущественно на принципах денежного расчета, в обороте масла по-прежнему была велика доля прямого товарообмена. Дело в том, что крестьяне специализированных маслодельческих районов гораздо больше нуждались в хлебе, чем в обесценивающихся дензнаках, а маслозаводам были нужны дефицитные материалы для выработки масла и оборудование для ремонта. При этом и хлеб, и товары поступали на места в недостаточном количестве и несвоевременно, что тормозило заготовки. Особенно неблагоприятное положение с товарообеспечением маслозакупа сложилось в летние месяцы, которые являлись временем максимального производства молока.

Свои особенности имела и сложившаяся на сибирском масляном рынке конъюнктура. Производство масла, а следовательно, и его предложение находились на крайне низком уровне. Внутривозвратный спрос на масло из-за небольшого удельного веса городского населения и падения его покупательной способности был еще ниже предложения. Но в сибирском масле нуждались крупные города европейской части России и, прежде всего, Москва и Петроград. Однако острая нехватка денежных средств и товаров для обмена не позволяла ведущим заготовку коопбъединениям взять даже тот минимум продукции, который в 1922 г. был выработан на маслозаводах. В результате цена за масло не превышала 7–8 руб. за пуд, что в абсолютных величинах в 2 раза уступало довоенному уровню⁵⁵.

Однако, сравнивая абсолютные показатели, следует иметь в виду, что цены на промтовары в начале 1920-х гг. были значительно выше, чем до войны. Кроме того, товары, на которые обменивалось масло, реализовывались маслозаводам по эквивалентам, превышающим их средний рыночный уровень. А если учесть еще и возросшие накладные расходы на производство продукции, то получается, что за то же количество молока сибирские крестьяне в 1922 г. получали в 3, а то и в 4 раза меньше, чем до войны.

В условиях, когда кооперативные союзы не могли взять всего рыночного предложения продукции, маслозаводы были вынуждены искать других покупателей. Так, из 117 тыс. пудов масла, произведенного входящими в систему сельхозкооперации артелями, через губернские, районные союзы и Сибсельскосоюз было реализовано лишь 39 тыс. пудов. Остальное приходилось на самостоятельный сбыт. Несколько лучшей была ситуация в системе потребкооперации. Относительно богатыми губсоюзами было заготовлено 204 тыс. пудов⁵⁶.

В целом же на 1922 г. пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. За сезон маслозаводами региона было произведено всего 500 тыс. пудов товарной продукции, а за его пределы вывезено 395 тыс. пудов, что соответственно составляло 14 и 9% от уровня 1913 г. (в территориальных рамках Сибирского края)⁵⁷.

Первые позитивные сдвиги в динамике молочного животноводства Сибири в период нэпа произошли на рубеже 1922 и 1923 г. Снижение уровня налогообложения сибирской деревни и оказание более широкой государственной помощи крестьянству позволили остановить падение производства. Хороший урожай трав в 1922 г. стабилизировал кормовой вопрос в зимний стойловый период. К весне 1923 г. впервые за семь лет в крестьянских хозяйствах увеличилось количество крупного рогатого скота. Причем, если поголовье КРС в целом выросло на 1,3%, то рост поголовья коров составил 5,2% (см.: прилож., табл. VIII). Соответственно произошло увеличение производства молока.

За 1923 г. увеличилось и количество функционирующих маслозаводов, хотя далеко не все из них отвечали необходимым техническим требованиям. Недостаточно удовлетворительным оставалось и качество вырабатываемой на них продукции. Большая часть сибирских маслозаводов входила в систему потребительской или сельскохозяйственной кооперации, но значительное количество артелей, имевших свои заводы, были независимы и в кооперативные союзы не входили (так называемые дикие маслоартели). Кроме того, были маслозаводы, принадлежащие государственным организациям, рабочей кооперации и частным лицам. В частности, в конце 1922 г. в Новониколаевской

губернии 346 маслозаводов принадлежало потребкооперации, 237 – сельскохозяйственной кооперации, 140 – «диким» маслоартелям, 20 – тресту «Госмолоко» и 10 – АО «Хлебопродукт»⁵⁸.

С 1923 г. заготовки масла стали осуществляться исключительно коммерческим путем, поскольку в рамках смешанного натурально-денежного сельхозналога 1923/24 г. сдача молока и масла государству не предусматривалась. Наиболее крупными скупщиками масла в регионе в начале 1923 г. по-прежнему оставались союзы потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Закупки масла они осуществляли посредством заключения договоров на поставку продукции низовыми потребительскими обществами, имеющими свои маслозаводы, и с маслоартелями, входящими в систему сельхозкооперации. Однако низовые кооперативы имели законодательно закрепленное право, исходя из соображений коммерческой выгоды, заключать аналогичные договоры с другими контрагентами.

В начале заготовительного сезона 1923 г. конъюнктура сибирского масляного рынка была аналогична прошлогодней. Закупочные цены на маслопродукцию по-прежнему держались на уровне 7–8 руб. за пуд. В то же время оптовые цены петроградского и московского оптовых рынков достигали 16 руб. за пуд⁵⁹. Если учесть, что транспортные расходы на доставку на эти рынки одного пуда сибирского масла составляли примерно 2 руб., то операция по закупке масла в регионе, его доставке в столицы и продаже давала не менее 60% прибыли. Выгодность маслозакупа поняли не только кооперативные, но и государственные торгово-закупочные организации, которые начинают активно включаться в заготовки. Кроме них, на сибирском рынке начинают появляться и крупные частные фирмы. Так, в Омском уезде, помимо сельхозкооперации и губсоюза потребкооперации, закупки масла вели «Сибхлебопродукт», Сибторг, Сибгоссельхозсклад, трест «Госмолоко», АО «Руссот», Московский союз потребительских обществ, местная водная и железнодорожная потребкооперация, частные фирмы Сергеева и Воробьева⁶⁰.

Большое количество заготовителей при сравнительно небольшом предложении продукции обостряло конкурентную борьбу, основным способом которой стал подъем закупочных цен. Первым на этот путь встал Алтайский губсоюз потребкооперации, получивший по договору с Сибдальгосторгом значительные денежные суммы на поставку масла⁶¹. За ним последовали остальные заготорганизации на Алтае и в других губерниях региона. В итоге к концу лета – началу осени 1923 г. закупочные цены на масло выросли до 18–20 руб. и более за пуд⁶². Стремясь максимально увеличить объемы маслозакупа, заготоргани-

зации игнорировали качество масла, покупая низкосортную продукцию по ценам высокосортной.

Кооперация, недовольная потерей своей монополии, применяла и иные формы борьбы со своими конкурентами. Так, в конце февраля 1923 г. кооперативная секция Алтайского губкома РКП(б) приняла инициированное губсоюзами потребительской и сельскохозяйственной кооперации постановление, согласно которому государственные заготовительные организации должны были вести закупки масла только по договорам с упомянутыми коопсоюзами. Это решение было опротестовано правлением «Сибхлебопродукта» и отменено. Однако летом 1923 г. Алтайский губсоюз потребкооперации вновь попытался добиться снятия с заготовительного рынка треста «Госмолоко»⁶³.

Осенью 1923 г. конъюнктура масляного рынка в регионе изменилась. Заготовительные организации, начавшие из-за недостатка банковских кредитов испытывать финансовые затруднения, стали снижать закупочные цены. В маслозаготовках увеличилась доля непосредственного товарообмена. Значительная часть продукции приобреталась в обмен на зерно. При этом при расчетах за поставляемое масло пшеница оценивалась в 80 коп. за пуд, тогда как ее рыночная цена составляла 40–45 коп. за пуд⁶⁴.

В итоге за сезон 1923 г. кооперативными и государственными заготовительными организациями в Сибири было закуплено около 600 тыс. пудов животного масла. Из этого объема на долю губсоюзов потребкооперации приходилось 273 тыс. пудов, Сибсельскосоюза и его отделений – 130 тыс., АО «Хлебопродукт» – 118 тыс., Сибторга – 50 тыс., Сибдальгосторга – 15 тыс. пудов. Остальное количество масла приобрели более мелкие заготовители. По экспертным оценкам, частные маслозаготовки составляли не менее 10% от общего объема маслозакупа государственных и кооперативных заготовительных организаций. За пределы Сибири вывезли 532,5 тыс. пудов, в том числе на экспорт – около 300 тыс. пудов. В итоге вывоз масла из региона увеличился по сравнению с предыдущим заготовительным сезоном на 35%⁶⁵, что свидетельствовало о начавшемся процессе возрождения сибирского маслоделия.

* *
*

Ситуация на рынках других видов сельскохозяйственной продукции во второй половине 1922—1923 г. мало чем отличалась от положения на хлебном и масляном. Заготовки мясопродукции, животноводческого сырья и технических культур в регионе в связи с ограниченностью предложения и спроса были незначительными и в абсо-

лютных, и в относительных величинах⁶⁶. Участие в их закупках помимо кооперации стали принимать созданные в этот период государственные заготовительные организации⁶⁷, успешно с ней конкурирующие. Частный капитал в сколь-нибудь заметных масштабах был представлен лишь на рынке кожсырья, которое закупали кустари-ремесленники, владельцы перерабатывающих предприятий и их комиссионеры.

Цены на мясо и сельхозсырье в целом были минимальными. Однако в случае изменения конъюнктуры в ситуацию тут же вмешивались местные власти. Так, 11 ноября 1922 г. торгово-закупочная комиссия при Омском губэко в связи с превышением на местном рынке спроса на кожсырье со стороны государственных и кооперативных заготовителей над его предложением и соответствующим ростом цен установила предельные закупочные цены на кожи. В декабре 1923 г. Черепановский уездный исполком запретил Сибторгу вести заготовки сельхозсырья через частных посредников, поскольку подобный метод, по мнению уездного начальства, противоречил политике государства проводимой в данной сфере⁶⁸. Таким образом, борьба с «вылазками нэпа» в Сибири велась на всех направлениях «заготовительного фронта».

¹ Продовольственная газета. 1922. 16 марта; 23 марта.

² Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 121.

³ На местах функции Комвнутторга СТО первоначально возлагаются на областные и губернские экономические совещания. В январе 1923 г. создаются областные и губернские комиссии по внутренней торговле, в том числе Сибкомвнутторг.

⁴ Экономическая жизнь. 1922. 18 июля.

⁵ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 29—30.

⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924. С. 131.

⁷ Экономическая жизнь. 1922. 11 авг.

⁸ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 2.

⁹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 35.

¹⁰ Цит. по: *Павлова И.В.* Становление партийно-аппаратной системы в СССР // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 87.

¹¹ Экономическая жизнь. 1922. 16 сент.

¹² ГАО, ф. Р-1, оп. 1, д. 754, л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 2, 3; Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 31—32.

¹⁵ Продовольственная газета. 1922. 7 окт.

¹⁶ Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 153.

-
- ¹⁷ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 839, л. 52.
- ¹⁸ Продовольственная газета. 1923. 7 нояб.
- ¹⁹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 37–38.
- ²⁰ См.: Прилож. Табл. V; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. С. 131; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 36–37.
- ²¹ Хлебное дело СССР: Справочник по хлебной торговле. М.; Л., 1924. С. 126.
- ²² СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 818.
- ²³ Продовольственная газета. 1923. 21 апр.
- ²⁴ Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 127.
- ²⁵ Там же. С. 124; Продовольственная газета. 1922. 2 нояб.
- ²⁶ ГАНО, ф.Р-659, оп.1, д.20, л.141.
- ²⁷ Экономическая жизнь. 1922. 23 нояб.; СУ РСФСР. 1922. № 77. Ст. 966.
- ²⁸ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 41, 45.
- ²⁹ Народное хозяйство СССР за 1922–23 год: Стат.-экон. ежегодник. М., 1924. С. 87; *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 47; Хлебный рынок. 1925. № 15. С. 27; Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925. Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1959. С. 365.
- ³⁰ Советская Сибирь. 1923. 12 июня.
- ³¹ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 176.
- ³² Хлебное дело СССР. С. 250.
- ³³ Хлебный рынок. 1924. № 2–3. С. 36.
- ³⁴ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 51.
- ³⁵ Ежегодник хлебной торговли. № 1: 1925/26 и 1926/27 гг. М., 1928. С. 62.
- ³⁶ Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 41.
- ³⁷ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 58–59.
- ³⁸ Десять лет на хлебном фронте: «Хлебопродукт» – Союзхлеб. М.; Л., 1932. С. 6; Хлебный рынок. 1924. № 12. С. 2.
- ³⁹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 60–61.
- ⁴⁰ *Вайнштейн А.Л.* Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922–24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 29.
- ⁴¹ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 20, л. 144.
- ⁴² Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С.63.
- ⁴³ Там же. С. 64.
- ⁴⁴ Там же. С. 65.
- ⁴⁵ Хлебные цены и хлебный рынок. С. 205; Сибирь в 1923—1924 гг. Новониколаевск, 1925. С. 71.
- ⁴⁶ ГАНО, ф. Р-3, оп. 1, д. 34, л. 52.
- ⁴⁷ Сбор единого натурального налога в целом по РСФСР начинался 1 августа. До этого времени с целью обеспечения находящихся на гособеспечении учреждений (детдомов, больниц и т.п.) маслом вводился временный масляный налог. В Сибири данный налог взимался до 1 сентября 1922 г. — Продовольственный бюллетень. 1922. № 10–12. С. 11–12; № 31–32. С. 9.
- ⁴⁸ ГАНО, ф. Р-3, оп. 1, д. 34, л. 52об.

⁴⁹ *Ильиных В.А.* Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): Тенденции и этапы развития. // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41.

⁵⁰ *РГАЭ*, ф. 4106, оп. 3, д. 168, л. 121–121об.

⁵¹ Там же, л. 121об.; *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 66, 67.

⁵² Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 12.

⁵³ Там же. С. 13; Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы к перспективному плану. С. 167.

⁵⁴ *ГАНО*, ф. Р-3, оп. 1, д. 12, л. 15об-16.

⁵⁵ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 43; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 162.

⁵⁶ *Иванов Б.В.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920—1927 гг.). Томск, 1977. С. 129; *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 90.

⁵⁷ *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 63об.; Сельское хозяйство Сибирского края. С. 167.

⁵⁸ Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 38.

⁵⁹ *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 64об.

⁶⁰ Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 80.

⁶¹ Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 37.

⁶² Там же; Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 86; *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 43, 76.

⁶³ *ГАНО*, ф. Р-1, оп. 1, д. 1045а, л. 105; Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 87.

⁶⁴ Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 85.

⁶⁵ Там же. С. 80–81; Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 10; *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 21, л. 82.

⁶⁶ Сведения об объемах заготовок указанных видов сельхозпродукции по всем государственным и кооперативным заготовителям в 1922/23 и 1923/24 гг. отсутствуют. За 1922/23 г. имеются лишь данные по отдельным организациям. Сибцентросоюз и губсоюзы потребкооперации закупили в этом году 94 тыс. пудов растительного волокна, 21 тыс. пудов шерсти, 71 тыс. крупных и 60 тыс. мелких кож, 1,8 тыс. пудов щетины, 0,9 тыс. пудов конского волоса. «Сибхлебопродукт» за 1922/23 г. приобрел 224 тыс. пудов мяса. Применительно к 1923/24 г. выявлены данные о результатах централизованных заготовок крупных и мелких кож, пуха и пера, шерсти, щетины, конского волоса (соответственно 736,9 и 240,6 тыс. штук, 0,5, 10,1, 5,0, 5,2 тыс. пудов) на 1 мая 1924 г. — Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири. 1922—1923 г. Новониколаевск, 1923. С. 520, 542; Жизнь Сибири. 1924. № 5–6. С. 69.

⁶⁷ Кроме специализированных государственных заготовителей (Всероссийского кожсиндиката, Льнотреста, «Мясохладобойни») закупки сельхозсырья и мяса на территории региона вели торговые учреждения (Госторг РСФСР, Сибторг, Дальгосторг), а также непрофильные организации («Сибхлебопродукт», Сибгоссельхозсклад).

⁶⁸ *ГАНО*, ф. Р-1, оп. 1, д. 839, л. 57; д. 1214, л. 4.